

салаларды камтыған стратегиялық әріптестік қатынастары орнаған еді.

1. Алиев, А. А. Иран vs Ирак: история и современность. - М.: Изд-во «Москва», 2002.
2. Апдайк, Р. Дж. Саддам Хусейн. Политическая биография. - Ростов-на-Дону, «Феникс», 1999.
3. Воскресенский, А.Д. Политические системы и политические культуры востока. – М.: «Восток-Запад», 2007.
4. Примаков, Е. Ближний Восток: на сцене и за кулисами. - М., 2006.
5. Проблемы мира и безопасности в Азии: под ред. А. И. Чичерова. - М: «Наука», 1987.
6. Республика Ирак в системе международных отношений (80-е годы XX в. - начало XXI в.): под ред. В. А. Заир-Бека - М: Ин-т Востоковедения РАН, 2002.
7. Borer, D. A. Inverse Engagement: Lessons from US-Iraq Relations, 1982-1990// Parameters. - 2003. - Summer.

8. Brzezinski, Zb., Murphy, R., Scowcroft, B. Differentiated Containment // Foreign Affairs (FA). - 1997. - Vol. 76. - № 3. Publishers.co, 2006. («Страницы из истории Ирака». Чарльз Трип. Изд-в
9. Parsi, Trita. Treacherous alliance. The secret dealings of the Israel, Iran and U.S. Arab Scientific Publishers.co, 2008.
10. Tripp, Charles. Sifahat min tarih al-Iraq. Arab Scientific o Научные арабские издания 2006).

В этой статье говорится о Ближневосточной политике США в период с 1980-90 годы и о роли Ирака в ней.

In this article refers to Middle East policy of the USA in the period from 1980-90 years and the role of Iraq in it.

М. Ауган

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА 1997-1998 ГГ. ДЛЯ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Западные исследователи стали проявлять особый интерес к экономике НИС Восточной и Юго-Восточной Азии в 80-е годы XX в., когда страны региона стали серьезными конкурентами для США, прежде всего на внутренних рынках автомобилей и электроники, что способствовало росту торгового дефицита США и, соответственно, интенсивному притоку долларов в международную сферу. Наибольшую известность получили работы А. Юнга, Л. Лау и Кима, опубликованные в первой половине 90-годов прошлого столетия. Обстоятельный обзор исследований по данной проблематике дан сотрудником Всемирного банка Дж. Фелипе в докладе за 1997 г. /1/. Расходясь в деталях, упомянутые авторы были едины в том, что важный индикатор процесса экономического роста как производительность труда в экономике стран Восточной и Юго-Восточной Азии играл ничтожную роль. Весь рост основывался на огромных инвестициях, поэтому т.н. «азиатское чудо» изначально было бесперспективной моде-

лью. В восточноазиатской экономической стратегии А. Юнг, Л. Лау и Ким находили сходство с советской моделью и предсказывали ей такой же крах.

Среднегодовые темпы роста производительности труда за период с 1966 г. по 1990 г. согласно исследованиям А. Юнга в Южной Корее составили лишь 1,7 %, в Индонезии, Малайзии и Таиланде соответственно 1,2 %, 1 %, 1,9 %.

Анализируя экономику Гонконга и Сингапура, автор приходит к следующему существенному выводу о том, что по сравнению с Сингапуром в Гонконге преобладали свободнорыночные отношения и роль государственного вмешательства в экономику была гораздо ниже. А. Юнг поддерживал больше гонконгскую модель, хотя экономический спад в Гонконге во время кризиса оказался намного глубже, чем в Сингапуре.

Другого мнения придерживался Дж. Стиглиц, имеющий прямое отношение к деятельности Всемирного банка. Он не отрицал, что в экономике стран региона «од-

ним из важнейших элементов роста была финансовая система, которая выступила в качестве важного фактора как при стимулировании сбережений, так и при распределении их на производительные инвестиции» /2/. Экономический рост там, по его мнению, не всегда обеспечивался исключительно за счет роста капиталовложений. Известно, что страны Восточной и Юго-Восточной Азии в больших масштабах импортировали технологию, уделяли серьезное внимание образованию и подготовке ИТР, что способствовало быстрому экономическому подъему.

Таким образом, несмотря на существование огромного количества исследований по данной проблеме не до конца раскрыты причины экономического роста стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Показатели реальной экономики не укладывались в рамках этих построений.

При всей схожести подходов авторы работ обратили внимание на недостаточную роль фактора производительности труда в качестве главного источника экономического роста и, что особенно важно, на снижение его значимости в 90-е годы прошлого столетия. Большинство авторов справедливо связывали снижение роли производительности труда с бумом банковского кредитования, что повлекло за собой снижение качества инвестиционных проектов. Мнения исследователей, прогнозировавших кризис, по причине падения производительности труда оказались не востребованы практикой. Кризис 1997-1998 гг. оказался совсем не тем кризисом, который имел бы роковой исход для экономической модели региона.

Мнения авторов по данной проблеме можно выделить в две группы. Представители первой группы видят основную причину азиатского кризиса в проблемах с международной ликвидностью, другой группы увязывают их с инвестиционными, финансовыми, кредитными и прочими проблемами, которые серьезны, но не предполагают краха экономической модели, сложившейся в регионе. Первым сигналом о надвигающемся кризисе было снижение прибылей на инвестиции, из-за чего происходил отток капитала из реаль-

ного сектора экономики, что передался на финансовый рынок, затем банковский и валютный секторы.

Правящие круги пострадавших стран в большинстве ответственность за кризис возлагали исключительно на внешние факторы. Вместе с тем нельзя не учитывать просчеты самой восточноазиатской экономической модели, которая представляла собой во многом антипод западной либеральной модели. Причины валютно-финансового кризиса в странах Восточной и Юго-Восточной Азии в экономической науке достаточно глубоко изучены. В данной статье предпринята попытка раскрыть некоторые особенности экономической стратегии государств региона и экономические и политические последствия кризиса для стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Данный аспект проблемы менее изучен в литературе.

В странах Восточной и Юго-Восточной Азии партнерство государства с частным предпринимательством получило широкое распространение. Некоторым компаниям, которые могли реализовать прорывные проекты, государство предоставляло ряд привилегий и это часто закладывалось в стратегии развития. В не либеральных экономиках государственное вмешательство в экономику неизбежно приводило к усилению коррупции.

Многие западные специалисты не рассматривали серьезно эту идею в качестве ключевой причины, объясняющей кризис. Можно предположить, что не только в Южной Корее, но и во многих других странах Восточной и Юго-Восточной Азии в 70-80-е гг. XX столетия партнерство государства с частным бизнесом принесло большую пользу, однако затем стало превращаться в тормоз экономического прогресса. Коренной реструктуризации чеболей в Корее приступили лишь после кризиса.

С другой стороны, под нажимом Запада в странах региона проводилась поспешная либерализация финансовых рынков и финансовых операций, что привело к кризису частного предпринимательства, сконцентрировавшийся в банковском кризисе. Заметим, что при этом государство остава-

лось платежеспособным и было далеко от дефолта. Деятельность частного сектора, прежде всего банков и компаний, зачастую тесно связанных с государственными органами, и получивших в результате либерализации широкие возможности, в том числе активно контактировать с внешним миром, при отсутствии должного уровня контроля со стороны общества явилась ключевой причиной кризиса.

Проявление кризиса по странам.

Таиланд. В Таиланде поводом к кризису стали проведенные в мае 1997 года мощные спекулятивные атаки глобальных хедж-фондов на рынке форвардных валютных контрактов, что привело к истощению международных резервов Центробанка и сделало девальвацию тайского бата по существу неизбежной. Дефицит текущих статей платежного баланса накануне кризиса достиг 8 % ВВП. Помимо внешнего фактора в сокращении валютных резервов страны не последнюю роль сыграли финансовая поддержка таких институтов, как Finance One, стоимость которой превышала \$3,8 млрд. Благодаря энергичной деятельности тайской компанией на фондовых рынках Запада, Таиланд стал второй страной в регионе по объему эмиссии корпоративных еврооблигаций.

Когда Центральный банк уже не мог поддерживать Finance One, компания объявила о банкротстве, что резко изменило отношение иностранных инвесторов к Таиланду и странам региона в целом.

В тяжелом финансовом положении оказались и другие известные тайские компании, среди них крупнейшей нефтеперерабатывающий завод Юго-Восточной Азии «Ти Пи Ай», компания «Би Ти Эс», построившая бангкокское метро.

В сложившейся ситуации правительство Таиланда приняло помощь от МВФ в размере 17,2 млрд. долл. и согласилось на предписанное Фондом законодательство. Под давлением МВФ Таиланд вынужден был впервые существенно ослабить государственный контроль за иностранными инвестициями и деятельностью иностранных компаний. Другим не менее важным результатом кризиса, стало превращение гигантского долга, накопленного в част-

ном секторе за годы экономического бума, в государственный внешний долг. Американские и европейские компании умело смогли воспользоваться положением и выкупили на выгодных условиях крупнейшие тайские предприятия /3/.

Для тайцев связь между деятельностью МВФ в Таиланде и американской внешней политикой стала очевидной. Даже АБР при выделении кредита на развитие высших учебных заведений страны стал ставить политические условия, связывая получения финансовой помощи с приватизацией ведущих университетов Бангкока. Такие требования АБР вполне могли разрушить сложившуюся систему и закрыть доступ в ведущие университеты страны целым слоям населения. МВФ и АБР подобным образом действовали и в других социально-экономических сферах тайского общества.

Индонезия. В Индонезии, спекуляции иностранных инвесторов не сыграли решающей роли, как в Таиланде. Кризис был спровоцирован поведением вкладчиков местных банков, которые массовом порядке закрывали свои счета. Индонезии МВФ выдал кредиты на 23 млрд. долл. Однако, эти средства не спасли экономическое положение страны. Правительство Индонезии сетовало на то, что, предложенные МВФ реформы не работают, слишком жестки и кроме того создают преимущество иностранному капиталу /4/.

Республика Корея. Несмотря на приватизацию и либерализацию банковской системы в начале 80-х гг. прошлого столетия, банки в Южной Корее рассматривались властями как важнейший инструмент промышленной политики. Непосредственным поводом к кризису в Южной Корее послужил отказ международных кредиторов рефинансировать краткосрочные займы конгломератов-чеболей, осуществлявших громадные инвестиции на заемные деньги. Банкротство таких известных концернов, как Hanbo Steel, Kia Motors и др., автоматически дестабилизировало положение 25 коммерческих банков, выдававших им кредиты, поскольку им стало труднее получать иностранные валютные займы. Сложная финансовая ситуация в крупнейших банках Кореи вынудила иностранных

инвесторов, опасавшихся возможной нестабильности, изымать вложенные в Южную Корею средства, что привело к резкому ухудшению экономического и финансового секторов экономики. Положение в стране осложнялось предстоящими президентскими выборами. Международные финансовые структуры выделили Южной Корее экстренную финансовую помощь в размере \$55 млрд., из них Всемирный банк – \$10 млрд, АБР – \$4 млрд., Япония – \$10 млрд., США – \$5 млрд, остальные выделялись Британией, Германией, Францией, Канадой и Австралией /5/.

По жестким условиям займов руководство Южной Кореи ликвидировало слабые банки, стоящие на грани банкротства, резко сократило финансирование социальных программ и увеличило налоги, провело реформу чеболей, сделав их более конкурентоспособными на мировых рынках. Сеулу лучше других удалось справиться с последствиями кризиса. Реформы в финансовой сфере, в менеджменте чеболями, целенаправленный рост золотовалютных резервов изменили экономику Южной Кореи коренным образом и в послекризисное время страна стала одним из мировых центров высоких технологий /6/.

Малайзия. Специфика кризиса в Малайзии заключалась в том, что экономический рост оказался тесно переплетенным с социальной стабильностью в обществе. Поэтому правительство Малайзии отказалось от рекомендаций МВФ, посчитав их слишком жесткими. Пример Индонезии, где финансовый кризис привел к смене правящего режима, подтвердил справедливость опасений Махатхира Мохаммеда относительно советов МВФ. Отказавшись от рекомендаций МВФ, правительство страны направило солидные денежные средства на оживление экономики, установила контроль за движением капитала для предотвращения валютных спекуляций хеджевыми фондами.

Центробанк ввел фиксированный обменный курс рингита, обесценившегося за год азиатского кризиса на 40%, и запретил использование национальной валюты за пределами страны. Находящиеся в обращении за границей рингиты, объем де-

нежной массы был эквивалентен почти 6 млрд. долларов, надо было перевести в течение месяца в страну, значительно были ограничены возможности по их конвертации в СКВ. Центробанк также установил лимит ввоза-вывоза рингита, который составил одну тысячу на человека, вывоза иностранной валюты для резидента в размере 10 тысяч рингитов. Ограничение на ввоз инвалюты не было. Эти меры положительно сказались на повышении курса рингита с 4,18 до 3,98 за доллар.

Вторым ударом по спекулянтам хедж фондов стал запрет на торговлю малайзийскими акциями за пределами страны. Отметим, что в Сингапуре на рынке внебиржевых продаж обращалось 25% малайзийских ценных бумаг /7/.

Введение контроля за движением капитала вызвало наиболее яростную критику со стороны западных финансовых кругов, и Малайзия оказалась единственной страной, формально реализовавшей его.

Махатхир считал, что непростая ситуация в период кризиса требует неординарных мер, учитывающих всех специфических обстоятельств, сложившихся в стране. Связывая основные причины кризиса с внешними факторами, Махатхир, понял важность развития человеческих ресурсов, подготовки интеллектуальной элиты и значение роли знания и умения работников. Другим уроком кризиса стало поощрение внутреннего и внутрирегионального спроса, чтобы ослабить зависимость экономики от экспорта.

За короткий срок Малайзия провела масштабные реформы банковского сектора, были введены новые корпоративные стандарты управления и произошло укрупнение местных банков.

Япония. Летом 1998-го в эпицентре кризиса оказалась Япония, крупнейшая в мире финансовая держава и вторая страна по промышленно-технологическому значению. Проявление кризиса выразилось в резком падении курса японской иены по отношению к доллару США, снижении рейтингов крупнейших компаний и банков Японии, что ускорило обвал иены и индекса фондового рынка Японии /8/.

Падение курса иены, цен на акции и недвижимость и соответствующее снижение уровня жизни населения делали менее эффективными средства финансовой политики.

Переживавшие кризис страны региона надеялись, что Япония поспешит им на помощь, увеличив импорт из Восточной Азии за пределы средней квоты в 45%, предоставив новые займы, кредиты и, расширив, инвестиции, чтобы стабилизировать ситуацию.

С другой стороны США и МВФ требовали от Токио полной отмены налогов на импорт, распродажи обанкротившихся банков, страховых обществ, риэлтерских контор и даже полной либерализации купли-продажи земли для иностранных инвесторов, с чем в корне не могла согласиться правящая ЛДПЯ.

Падение курса иены привело к сокращению импорта азиатских товаров в Японию, поскольку товары из стран региона автоматически подорожали в долларовом эквиваленте, а качественная японская продукция стала дешевле и начала вытеснять с мирового рынка азиатских товаропроизводителей. По той же причине стал укрепляться фондовый рынок Японии, что способствовало увеличению притока иностранных инвестиций в ущерб другим государствам региона.

Ради справедливости следует сказать, что Токио предпринимал попытку оказать государствам региона финансовую помощь. Японские банки кредитовали преимущественно дочерние фирмы и филиалы японских концернов, таких, как Sony, Toyota и других. Министр финансов Японии Киити Миядзавы выступил с инициативой о направлении более 30 миллиардов долларов в качестве господомощи пострадавшим странам. Эти средства оказали существенную помощь в решении проблем бюджетного дефицита, стимулирования экономики стран региона. Токио различными способами способствовал восстановлению Таиланда, Индонезии, Филиппин и Малайзии /9/.

КНР и «Большой Китай». Накануне кризиса Китай занимал второе место в мире после США по привлечению иностран-

ного капитала, сумма которого составила 560 млрд долл.. В стране работало свыше 300 тыс. совместных предприятий с иностранным участием и к концу 1998 года на депозитах китайских банков находилось 1,24 трлн долл /10/.

Судьба китайского юаня и гонконгского доллара вызывала некоторые опасения в КНР. В Пекине неоднократно заявляли, что не допустят девальвации юаня и гонконгского доллара, поскольку девальвация юаня сократила бы инвестиции в Китай, а девальвация гонконгского доллара усугубила бы падение цен на местной фондовой бирже, где котируются акции многих китайских компаний.

Более того, такой шаг негативно сказался бы на функциях Гонконга как финансового посредника, что неминуемо ударило по банкам Японии, Кореи и других азиатских стран, имеющих широкие экономические связи с Гонконгом.

Несмотря на относительную закрытость валютного рынка КНР в кризисные годы прибыль крупнейшего коммерческого банка Китая Bank of China сократилась на 48%.

Поскольку в середине 90-х КНР не либерализовала свою финансовую систему, то она была недоступна для иностранного капитала и кризис не оказал заметного влияния китайской экономике. Однако по экономикам Тайваня и Гонконга больший удар нанес не финансовый кризис 1997-1998 годов, а крах экономики интернет-компаний в 2001 году, который резко сократил объемы поставок электроники на Запад.

Таким образом, сильнее всего финансовый кризис ударил по таким странам как Таиланд, Индонезия, Малайзия и Южная Корея, которые по рекомендации МВФ в середине 1990-х годов выбрали модель экономического развития, основанную на высоких процентных ставках и текущем платежном дефиците в сочетании с принципиальным отсутствием контроля над движением капитала.

Когда на Западе и, прежде всего, в США выросли процентные ставки, иностранные фонды ушли, обрушив курсы национальных валют по отношению к долла-

ру, что имело отрицательные последствия для многих компаний, которые брали долларовые кредиты и оказались не в состоянии выплатить их по новому курсу. Ситуацию в странах Восточной Азии осложнил МВФ, который настаивал на повышение процентных ставок, сокращение госрасходов и отказ в помощи погибающим предприятиям, результатом чего стало снижение темпов экономического роста, а в некоторых странах начался спад.

По мнению большинства экспертов, девальвация национальных валют в Таиланде, Южной Корее и Индонезии привела к росту инфляции, массовому банкротству предприятий, финансовым катаклизмам и социальным волнениям. С другой стороны, в КНР, Гонконге, Тайване и Сингапуре, которые, смогли поддержать национальные валюты, кризис не носил столь острый характер.

Экономические последствия кризиса.

Чиновники МВФ подверглись резкой критике за неспособность предвидеть финансовый кризис в Азии. По мнению экспертов фонда, избежать кризисных ситуаций можно за счет большей открытости экономической информации, поэтому Совет руководителей МВФ разработал проект «Кодекса фискальной транспарентности». Кодекс охватывал следующие четыре сферы: во-первых, прописывал зоны ответственности между правительствами и частным сектором; во-вторых, определил критерии доступности понятной и своевременной фискальной информации для общественности; в-третьих, требовал открытости бюджетного процесса; и, наконец, предполагал независимую оценку фискальной практики, проводимой правительствами /11/.

Страны «Большой семерки» однозначно высказались за создание нового международного органа, куда бы вошли ВБ, МВФ, страны «семерки» и развивающиеся страны, экономики которых «имеют системное значение» для мирового хозяйства. Предполагалось, что в организации G7 будет представлено 20 государств. Большие усилия в подготовке этого соглашения приложила Канада, которая, имея не очень объемную, но развитую и открытую экономи-

ку заметно испытала последствия азиатского кризиса.

Глава Федеральной резервной системы США А. Гринспен, выступая в американском сенате, оценил потери инвесторов, вложивших капиталы в Азии, в 700 млрд. долл. и призвал Сенат поддержать действия ВБ и МВФ, поскольку от стабильности азиатских стран, зависит американский электронный импорт и промышленный экспорт, и американские рабочие места /4/.

Азиатский кризис стал причиной снижения цен на мировых товарных рынках, упали цены на нефть, металлы, древесину и другие товары, что негативно сказалось на экономике США и Западной Европы. По причине привязанности финансовой системы стран региона к доллару, ситуация в Азии раскачивает курсы акций в США, что в свою очередь немедленно отзывается на фондовых рынках Восточной Азии.

Азиатский кризис оказался основной темой ванкуверского «саммита» АТЭС. В коммюнике по итогам встречи отмечалось, что лучший способ обеспечить экономическую стабильность в АТР – форсировать либерализацию торговли, наряду с эффективным регулированием в финансовом секторе устранить тарифные и другие барьеры на пути обмена товарами и услугами /12/. Последствием азиатского финансового кризиса стало также создание международного органа Financial Stability Forum, с целью поддержки стабильности банковских систем.

В странах Восточной Азии, за исключением Кореи, после кризиса стали негативно оценивать роль МВФ. Местные экономисты и политики критиковали фонд за жесткость прописанных рецептов и спасение группы частных банков и компаний, в основном европейских и японских.

Кризис подтолкнул к поиску создания собственных механизмов взаимовыручки. Так появились формат АСЕАН+3 и так называемое Чиангмайское соглашение, которое предусматривает кооперацию между центробанками различных стран Восточной Азии.

Именно с азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. началось становление

нового регионализма в восточной Азии и поиск собственной модели развития.

Изменилось отношение и к иностранному капиталу и иностранным финансовым аналитикам. Местные власти вынуждены были установить контроль за иностранным капиталом и финансовой системой, в большинстве стран увеличены объемы обязательных банковских резервов, достигнут значительный профицит счета текущих операций платежного баланса, центробанки накопили за последние годы внушительные золотовалютные резервы.

Власти КНР создали специальную инвестиционную компанию с капиталом 200 млрд. долларов, чтобы профинансировать инфраструктурные проекты в регионе. Китай, Япония и Южная Корея выступили с инициативой создания азиатского резервного фонда, который будет создан за счет средств валютных резервов 13 стран.

Япония также была автором идеи создания Азиатского валютного фонда. Однако эта инициатива Токио подверглась резкой критике со стороны США и МВФ из-за опасений потерять влияние в регионе.

Китай максимально сумел воспользоваться сложившейся ситуацией в регионе и усилить свое геополитическое и геоэкономическое положение. Китайцам удалось обратить финансовый кризис «во благо», они приобрели в Малайзии, Таиланде, Индонезии и на Филиппинах собственности на 300 млн. долларов, начали обсуждать возможность прихода китайских инвестиций в южнокорейскую экономику.

Пекин сумел переориентировать на себя западные инвестиции. Власти КНР отказались девальвировать юань, чем способствовали стабилизации национальных валют других азиатских стран и заслужили их признательность. Можно смело утверждать, что во время азиатского финансового кризиса Китай впервые повел себя как надежный партнер и потенциальный региональный лидер, что позволило Пекину открыто претендовать на роль лидера в деле азиатской интеграции. Тем более, что у Китая имеется свой подход к интеграции, который предполагает строительство объединения на основе «азиатских ценностей», под которыми подразумеваются

конфуцианские ценности и очевидно, что принятие этой концепции должно закрепить лидирующую роль Китая в регионе. Другой подход продвигается странами АСЕАН, которые выступают исключительно за экономические формы объединения без какой бы то ни было идеологической нагрузки. Ядром такой интеграции должен стать АСЕАН на который уже будут нанизываться более крупные объединения – АСЕАН+3 и АСЕАН+6 (с включением Австралии, Новой Зеландии и Индии). При этом восточноазиатская интеграция рассматривается ими как часть глобального процесса экономического объединения – через АТЭС.

Кризис ускорил интеграционные тренды в регионе, подтолкнул страны Восточной Азии к созданию в регионе ЗСТ и актуализировал проблему введения «единой азиатской валюты».

Существенной отличительной чертой азиатского кризиса стала отсутствие или недостаточность превентивных мер, которая характерна для кризисных ситуаций в сильных и устойчивых западных экономиках с большим опытом предотвращающего и смягчающего их остроту регулирования, включая экономические и политические институты.

Таким образом, азиатский кризис выявил многие слабые стороны восточноазиатской модели экономического развития. Последствия финансовых потрясений отразились на широком спектре социально-экономических и политических отношений.

Политические последствия кризиса. Дискуссионным остается оценка политических истоков экономического кризиса. Свое особое мнение высказал в свое время премьер-министр Малайзии Махатхир Мохаммад. Он связывал причины кризиса с глобальными атаками на азиатскую финансово-экономическую систему и предложил ввести жесткие ограничения на торговлю валютой. Подобной позиции придерживаются и общественные деятели Южной Кореи, Индонезии, Филиппин.

Существует точка зрения российских авторов о том, что азиатский кризис был намеренно спровоцирован США, чтобы

обеспечить передел мирового рынка в свою пользу после падения биполярного мира. По их мнению, США, опасаясь динамичного развития ВА, сначала разрекламировали «азиатское чудо», привлекая туда огромные инвестиции, вздувая тем самым цены на акции и другие корпоративные бумаги стран ЮВА, а затем обвалили «перегретый» рынок, обрушив их валюты и котировки, продемонстрировав несостоятельность «азиатского чуда». Тем самым Запад вынудил страны ВА пойти по пути рекомендаций МВФ и МБРР и действовать по их рецептам в сторону большей либерализации их национальных рынков и банковских структур.

Во-вторых, как полагают российские сторонники «теории заговора», удар должен был быть нанесен Китаю, который все больше беспокоит США. В случае углубления кризиса и неверного выбора экономической стратегии властями страны Китай мог не выдержать, а ослабление Китая и его влияния в данном регионе и в целом в мире вполне укладывается в рамки американских интересов.

В-третьих, разрушительная роль правительства США, по мнению российских авторов, заключалась в том, чтобы с помощью кризиса избавиться от бывших союзников эпохи «холодной войны», ставших ныне пятном на репутации Америки, таких как Сухарто в Индонезии и генерал Чавалит Йонгчайют в Таиланде /3/.

Индонезия и Таиланд были вынуждены провести политические реформы, чтобы избежать новых потрясений. Схожая ситуация сложилась на Филиппинах, в Республике Корея и Малайзии. Кризис также усугубил этническую и религиозную напряженность в Индонезии и на Филиппинах, и в меньшей степени, Малайзии и Таиланде и обнажил проблему неравномерного распределения богатства в обществе и между этносами и религиозными общинами.

Азиатский валютный кризис подтолкнул правящую элиту стран региона к установлению диалога между правительством, частным сектором и гражданским обществом. В результате в Таиланде, Филиппинах, Индонезии и Южной Корее укрепилась

гражданское общество. Безработица и отсутствие социальной защиты вследствие кризиса, стали мощным толчком в отстаивании населением своих гражданских и социальных прав.

Начался процесс децентрализации государственного управления, часть функций центральная власть стала передавать на места. Правда, существуют опасения, что подлинная децентрализация может привести к росту коррупции на местах, при отсутствии должного контроля, как произошло в Индонезии.

Наметился рост оппозиционных партий. Кризис способствовал реформе основы политической системы пострадавших стран. В Индонезии последовательно рухнули правительства Сухарто, Б. Ю. Хабиба и Абдурахмана Вахида. Резкое падение жизненного уровня, обостренное антикитайским настроением, послужили толчком к социальному выступлению и, казавшийся прочным политический режим, пришел к краху и поверг в экономический хаос Индонезию. С приходом к власти Мегавати Сукарнопутри, Сусило Бамбанг Юджойно в Индонезии начался процесс политической стабильности.

В Южной Корее власть перешла лидеру оппозиции Ким Дэ Чжуну. В Таиланде, финансовая нестабильность привела к отставке генерала Чавалит Йонгчайют. Следующий глава правительства Чуан Ликпай в январе 2001 года в свою очередь был заменен Таксином Чинаватом, который из-за коррупционного скандала также был вынужден уйти в отставку, уступив власть нынешнему премьер-министру Абхисте Ветчачиве. В этих странах, начались подлинные демократические процессы, однако политическая и экономическая стабильность, за исключением Южной Кореи, все еще остается непрочной. Преобразования коснулись и относительно стабильной Малайзии. Началось возрождение исламских оппозиционных партий, чему во многом способствовала политика премьер-министра Абдуллы Бадави (с октября 2003 г.) «ислам хадари». Если в результате парламентских выборов 2004 года, власть в штатах Келантан и Тренгану находилась под контролем оппозиции, то выборы 2008

г. лишили правящий Национальный фронт конституционного большинства и способствовали переходу власти в руки оппозиции в 5 из 13 штатов.

Таким образом, кризис выявил ряд экономических и политических проблем стран Восточной Азии. Начавшись как финансовый кризис, он вскоре превратился в социальный кризис, который напрямую коснулся политической сферы. Азиатский кризис, либерализуя экономику, в значительной степени способствовал политическим переменам в Восточной Азии и придал им во многом необратимый характер.

1. J. Felipe. Total Productivity Growth in East Asia: A Critical Survey. - ADB/World Bank Senior Policy Seminar of Managing Global Financial Integration in Asia. Companion Volume. Manila, 10-12 March, 1998.

2. J. Stiglitz. Sound Finance and Sustainable Development in Asia. - ADB/World Bank Senior Policy Seminar of Managing Global Financial Integration in Asia. Companion Volume. Manila, 10-12 March, 1998, p. 3.

3. Беленький Е. МВФ и американцы стали непопулярны в Азии // Независимая Газета N 117 (2179) 28.06.2000

4. Орлов С. Год больного тигра// Независимая газета 02-26-98 NGA-No.033

5. Елена Максименко МВФ решил помочь экономике Южной Кореи// «Коммерсантъ – Daily» No.211 12-05-97

6. Марков А. Не время расслабляться// Эксперт, № 26, 09 июля 2007, С. 15-22

7. Тимофеев А. Махатхир пошел отличным путем// «ВРЕМЯ-MN» No.63 09-02-98

8. Балиев А. В Восточной Азии новое цунами На сей раз - в благополучной Японии// «Российская газета» No.113 06-17-1998

9. Ивантер А., Быков П. Экономический анализ Юго-Восточная Азия// «ЭКСПЕРТ» No.031 08-23-99

10. Борисова М. Китай борется с кризисом // «ВРЕМЯ-MN» No.008 01-21-99

11. Вострякова Л. МВФ предлагает новые лекарства от кризиса «РУССКИЙ ТЕЛЕГРАФ» No.062 04-09-98

12. Бовт Г., Чудодеев А. Больные «азиатские тигры» могут заразить весь мир// 25.11.1997 Газета «Сегодня» N258

Мақалада 1997-1998 жж. Шығыс Азия елдеріндегі қаржы-экономикалық дағдарыстың себептері мен ерекшеліктері қарастырылған. Автор басты назарын аймақтағы дағдарыстың саяси және геосаяси салдарына аударған.

The article is dedicated to the reasons and key events of financial-economic crisis (1997-1998) in Eastern Asia. Author pays a significant attention to political and geopolitical consequences of crisis in the region.

А.А. Галиев

ТУРКМЕНИСТАН: МИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКА

В силу исторических и геополитических условий, Туркмения находится на стыке, трех цивилизаций - Тюркско-исламской, Иранско-исламской, Славяно-православной. Это обуславливает, одновременно, геополитическую уязвимость страны и ряд преимуществ. Главная проблема в том, что какая цивилизация станет более привлекательной политически и экономически. Туркмения участвует в организации тюркских государств, возглавляемых Турцией, получила не малые турецкие инвестиции. Однако, с тюркскими странами она имеет ряд серьезных про-

блем. Радикальный секуляризм и проатлантизм Турции неприглядно рассматривается соответственно в Тегеране и в Москве, что чревато натянутостью отношений с этими державами. Военно-политические претензии Узбекистана, претендующего на главенство в регионе не могут не настораживать Туркмению. В Каспийском море вырисовывается соперничество на грани вражды между Туркменией и Азербайджаном по поводу принадлежности месторождения "Кяпаз" и части морского шельфа в целом. И, наконец, политическое и экономическое ослабление России обу-